

А.Г. ЩЕЛКИН

ОБ ОДНОМ СУЩЕСТВЕННОМ НЕДОСТАТКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Сегодня образование в высшей школе находится в положении социального института, на плечи которого легла значительная часть той задачи, которую XXI в. ставит перед российским государством. Речь идет о модернизации и инновационном вызове. В статье рассматривается, как высшая школа отвечает на этот вызов, в частности, какую «идеологию» исповедуют реформаторы вузовского образования перед лицом императива модернизации и инновационной ориентации современного социума. Отмечается тот малоприятный факт, что ориентация на новый тип знания («технознание») начинает доминировать в ущерб тем возможностям, которые общество всегда связывало с областью гуманитарных знаний, то есть знаний, на языке которых может быть сформулирована не только «специальная», «экспертная», «маркетинговая», но и «значимая», «нормоориентирующая», «целеполагающая» информация. С этих позиций в статье приводятся аргументы против вычеркивания из образовательных программ российских вузов такого базового понятия, как «цивилизация/цивилизованность», несущего в себе особую социальную ценность.

Ключевые слова: реформа образования, модернизация, техноцентризм, «технонаука», гуманитарное знание, категория «цивилизация/цивилизационность», словарь социальных представлений современного индивида.

Еще относительно недавно мы говорили и были убеждены в своей правоте: «Улица готовит ребенка к *прошлому*, семья — к *настоящему*, и только школа может и должна ориентировать на *будущее*». Сегодня все сложнее. Сегодня мы понимаем, что «прошлое» не всегда синоним ненужного: в *прошлом* найдется всегда что-то от настоящей жизни и даже вечности. Современность тоже может оказаться совсем не зыбким и преходящим «теперь», а, скорее всего, зрелостью того, что когда-то начиналось робко и романтично — «Все, что существует на свете, когда-то было мечтой». Одним словом, думать о *будущем* как единственной панацее — а сегодня это самый популярный формат социологического и, похоже, общественного мышления, — думать так означает некий паралич мысли, который наступает, когда пренебрегают «контекстом» *прошлого* и *настоящего*, когда снисходительно относятся к урокам вечной классики и зрелой современности...

Самый настораживающий вопрос состоит в следующем: не слишком ли сильно образовательный и воспитательный процессы наших дней нацелены на тот масштаб и образ будущего, в котором доминирует техноцентричность, дискурс потребления и рыночные средства достижения целей? Если это — сценарий «саморедукции» человеческой цивилизации, то он неплохо передается одной афористичной формулой теперешней скользкой эпохи «киборгов» и «гаджетов»: «Опасность не в том, что компьютер однажды начнет мыслить, как человек, а в том, что человек как-то незаметно станет мыслить, как компьютер».

Такой или примерно такой строй мыслей и социологического настроения сопровождал автора этих строк во время участия в дискуссии, развернувшейся за круглым столом в Государственной думе РФ по теме «Перспективы развития общественных и гуманитарных наук: законодательное и ресурсное обеспечение»¹.

Данная встреча, в которой участвовало множество работников высшей школы, подтвердила диагноз о «техницистской» ориентации Минобрнауки России и руководства значительного числа российских вузов. Взгляд на социологию, политологию, философию, психологию, по свидетельству многих выступающих, отражает непоколебимый «остаточный принцип» отношения к гуманитарным наукам теперь уже в современной РФ.

Надо сказать, что образ инновационного будущего модернизирующейся России совсем не гладко формируется в напряженной атмосфере наблюдаемого парадокса. С одной стороны, вроде бы, действительно, считается аксиоматическим, что третье тысячелетие будет гуманитарным, либо его не будет вообще². С другой стороны, повышение значимости социальных и гуманитарных наук едва ли назовешь отечественным трендом. Известно, например, что число гуманитариев на душу населения в России в пять раз меньше, чем, скажем, в Англии.

По словам ректора РГГУ Ефима Пивовара, «у нас в стране определено несколько приоритетных направлений развития науки, и ни одного гуманитарного там не названо... Со всех трибун звучат возгласы, что наступил гуманитарный век. Век гуманитарный не потому, что

¹ Круглый стол «Перспективы развития общественных и гуманитарных наук: законодательное и ресурсное обеспечение» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://forsmi.ru/node/32395>. Дата обращения: 01.08.2013.

² РИА «Новости». 14:03. 02.09.2009. Бак Д.П. Гуманитарные вузы способны производить технологии — проректор РГГУ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/education/20090902/183390974.html>. Дата обращения: 01.08.2012.

гуманитарные знания выше, чем естественнонаучные (этого никогда не было и не будет), а потому, что главное сейчас — качество жизни, качество социума, в котором происходят все процессы. Значит, гуманитарная составляющая и гуманитарное сопровождение любого проекта важны и от них также зависит результат»³.

Теоретически и методологически вопрос о социальных последствиях всякой «технократизации» культурной ментальности решен еще в эпоху «классической социологии»: «культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню»⁴. В том же духе выражался примерно в это же время и Александр Герцен, когда говорил о «Чингис-хане с телеграфами, пароходами, железными дорогами» как о некоем устройстве жизни, свидетелем которой был наш знаменитый соотечественник⁵.

Однако теоретическая оторефлексированность социальной проблемы совсем не гарантирует практического решения самой этой проблемы. Одно дело успешно и бесстрашно моделировать обсуждаемые последствия теоретически и даже обобщать их методологически, и другое дело — реагировать на них социальными и политическими решениями на деле. Как всегда, оказывается, что, несмотря на сетования и алармистские предупреждения, жизнь запускает на первых порах не самые дальновидные сценарии — в данном случае сценарии «модернизационного» процесса. В ход идут, прежде всего, проекты, несущие на себе печать технократического и рыночного императивов. Именно такое решение для обыденного сознания представляется самым быстрым способом повышения конкурентоспособности «догоняющих» стран и континентов среди мастодонтов «века IT». Кажется самоочевидным, что «техноцентристский» ответ на соответствующий вызов является единственно возможным и эффективным.

Не будем вдаваться в подробности и особенности новейшего этапа «технизации» и «сциентизации» как доминирующего настроения современности. Достаточно сказать, что технические и естественные науки сразу, как только начался процесс широкой индустриализации общества, стали рассматриваться не только «как непосредственная производительная сила», но и как эталон научной мысли вообще. Сегодня

³ Перспективы гуманитарного образования в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://english-chair.rggu.ru/announcements.html?id=252786>. Дата обращения: 01.08.2012.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 32. С. 45.

⁵ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1961. Т. 21. С. 76.

ситуация в каком-то смысле стала более интригующей. Сегодня наука во все большей степени принимает форму «технонауки», когда «регулятивом научной деятельности становится не получение объяснения, а получение эффекта, который может быть воплощен в пользующуюся спросом технологию»⁶. В науках «биотехнологического» направления этот процесс идет настолько масштабно и интенсивно, что «биоэтика» не успевает осмысливать и реагировать на события, разворачивающиеся на этом научном фронте.

И хотя об опасности дуализма и антагонизма «двух культур» — позитивистско-технократической и гуманитарной — писал еще в 1950-е гг. Ч. Сноу⁷, похоже, что сегодня мы пожинаем результаты этой дивергенции ошутимо, как никогда. И один из этих результатов — наблюдаемое снижение репутации социально-гуманитарных наук. Российский исследователь В.Г. Горохов, хорошо знающий ситуацию, пишет: «От современной науки общество и государство требуют скорейших коммерческих и технологических результатов... Однако забывают, что эти приложения воплощаются в определенных социальных структурах. Поэтому невозможно обойтись без социально-гуманитарной экспертизы... Таким образом, сегодня следовало бы говорить о возрастающей роли социально-гуманитарных наук, чего, к сожалению, не наблюдается. И эта тенденция характерна не только для России»⁸. При такой переориентации репутационные последствия для гуманитариев налицо. По свидетельству А. Фурсенко, в РФ по профилю гуманитарных дисциплин проводится всего 3 % исследований, а диссертаций защищается 50 %. По другим данным, гуманитарии по «диссертационному валу» опережают «естественников» в еще более шокирующей пропорции: 90 к 10 %⁹.

Это убийственный приговор, означающий, что значительная доля в диссертационном престиже соискателей научных степеней именно в области гуманитарных дисциплин — это «символический капитал» в худшем смысле этого слова. «Анализ авторов диссертаций показывает увлеченность многих губернаторов, министров и других чиновников

⁶ Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/gumtech/expert_exam/articles/2007/Yudin/2/. Дата обращения: 01.08.2013.

⁷ Сноу Ч. Две культуры. М.: Прогресс, 1973.

⁸ Горохов В.Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 3–14.

⁹ Антеньев А.Г. Гуманитаризация российского образования: состояние и проблемы // Alma Mater. 2010. № 10. С. 49–52.

получением престижных корочек кандидатов и докторов. Среди них никто не пишет по техническим и естественным наукам, хотя большинство из них возглавляют отрасли, непосредственно связанные с ними»¹⁰. Очевидно, что такое цинично-карьерное отношение к гуманитарным дисциплинам лишь усугубляет репутационный кризис последних. Совокупность всех факторов, действующих сегодня не в пользу *humanitas*, дает малоутешительный результат: по данным ВЦИОМ от 22 марта 2011 г., «самыми интересными для россиян областями научного знания являются технические достижения» — 43 %; социология и философия со своими 5–7 % занимают последние места в этом рейтинге престижа¹¹.

По убедительным словам директора Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьяна, нарастающие признаки пренебрежения к *humanitas* «приведут к дальнейшему снижению культурного уровня российской нации... Их следствием будет еще бóльшая технократизация нашего общества, дальнейшее движение к преобладанию в нашей стране потребительской философии и стиля жизни... Без особого внимания к гуманитарному знанию мы можем получить в ближайшее время малообразованное и бездуховное поколение»¹². Если не считать подобный прогноз слишком уж фантастическим, следующий вопрос закономерен сам собой — кто станет субъектом этой критической рефлексии?

Похоже, что и бремя рефлексии ложится, как всегда, на самих пострадавших, то есть гуманитариев, хотя «технизация», «маркетингизация», «товаризация», «экспертизация» и прочие знаки «современности» щедро отметились на фактуре и качестве самого социального знания. Отрадным фактом на фоне «счастливо-гламурного» сознания массового «общества потребления» и своеобразного «практического шовинизма» представителей технических и естественных наук, — отрадным можно считать факт интереса представительной власти в РФ к ситуации в области гуманитарных дисциплин.

Само гуманитарное сообщество, по всем признакам, не разделяет «технократических иллюзий» и готово проявить ту гражданскую волю и непреклонную предрасположенность к *humanitas*, которых, кажется, не хватает сегодня на нашем олимпе государственных решений.

¹⁰ Антиньев А.Г. Гуманитаризация российского образования. С. 49–52.

¹¹ Современная наука: чем и кому она интересна? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111460>. Дата обращения: 01.08.2013.

¹² Чубарьян А.О. Технократизация как опасность // Независимая газета. 2011. 3 марта. С. 5.

Главный предмет сокрушений у критиков сегодняшней ситуации — это *условия*, в которых работают носители гуманитарной культуры в современных вузах РФ. Речь, прежде всего, идет о размерах финансирования социальных наук и гуманитарного образования — неважно, будь то государственное обеспечение или самофинансирование. Факт этот хорошо известен и подтверждается «криком души» многих авторитетных деятелей и организаторов российской науки: «Мне представляется, что в сегодняшней ситуации основная проблема заключается в хроническом недофинансировании науки в целом. Сворачивание работы таких фондов, как РФФИ и РГНФ, несомненно, ухудшит положение. Причем в большей степени это касается гуманитарных исследований, в том числе экономических, которые системно поддерживаются, прежде всего, государственными академиями наук и РГНФ»¹³. Напрашиваются в таких случаях неизбежные вечные сравнения, как «у них» и как «у нас»: в российских вузах нагрузка на профессорско-преподавательский состав в три раза больше, чем у их европейских коллег, а зарплата в четыре раза меньше. Чудес не бывает — в этом сразу убеждаешься, когда сравниваешь присутствие наших и зарубежных профессоров в качестве авторов статей в признанных международных изданиях. Понятно, что это, прежде всего, касается представителей отечественных социально-гуманитарных дисциплин.

О жестких *условиях* недофинансирования в эпоху профицитного или почти профицитного бюджета заявляет много лет и РАН, которая по своей природе и уставу занимается и должна заниматься фундаментальными проблемами, постоянно возникающими перед наукой. В этом смысле можно было бы и не приводить мнение Наталии Ивановой, заместителя директора Института мировой экономики и международных отношений РАН, действительного члена РАН, доктора экономических наук, — мнения, имеющего хорошие шансы стать самым хрестоматийным: «С тем, что никакого финансового удушения РАН не происходит, согласиться трудно, поскольку груз хронических проблем, накопившихся за многие годы реального сокращения всех видов ресурсов — кадровых, финансовых и инфраструктурных, — не был преодолен за непродолжительный период роста в середине 2000-х гг.

¹³ Горбатова А. Зашли в тупик (Реплика Владимира Иванова, заместителя главного ученого секретаря Президиума РАН, доктора экономических наук) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=34423. Дата обращения: 01.08.2013.

В современных условиях слабый прирост... означает в лучшем случае стагнацию и не позволяет выйти на новую траекторию научного развития, которая так важна для запуска процессов модернизации во всех сферах российской жизни¹⁴.

Все правильно, но в условиях кризисного существования социальных и гуманитарных наук нельзя забывать и о «невидимой стороне луны» — о том, что можно было бы условно назвать «методологическим недомоганием» этого кластера дисциплин. Речь идет, скорее, не столько об *инфраструктуре* (материальной, организационной, финансовой и пр.) научной практики, сколько о самой *структуре* этого вида деятельности, где под «структурой» будем понимать ту «сетку категорий», с помощью которой улавливается объективное содержание процессов, происходящих в обществе и в человеке — процессов, происходящих с обществом и с человеком. Иначе говоря, речь идет о состоянии *категориального/концептуального аппарата* социально-гуманитарной науки. А то, что в эпоху «постмодернистских искушений» с этим аппаратом произошли подозрительно-«революционные» изменения, — факт этот сегодня никем не оспаривается.

Конечно, *зарплаты и условия* интеллектуального труда гуманитариев — это святое. Но этого явно мало для продвижения по пути *модернизации* в ее подлинном, а не формальном и конъюнктурном смысле. На круглом столе в Госдуме по «образовательным стандартам» в сфере социальных дисциплин, кажется, не хватало собственно осмысления того, что может стать ясным на следующий день после создания — случись такое — финансового комфорта в родном отечестве. Главное — было бы что сказать. Когда Иммануил Кант совершил в научной методологии свой «коперниканский переворот», то этот переворот не был жестко детерминирован размером профессорского оклада знаменитого ученого. «Инновационный прорыв» касался собственно создания нового «ментального порядка», который сменил «разруху в голове» — «разруху», которой закончился тупик механистического материализма. Собственно такой же или примерно такой выход находила и «классическая физика» на пороге своего «релятивистского будущего» с помощью системы «идеальных», «мыслительных» экспериментов. Достаточно

¹⁴ Горбатова А. Зашли в тупик [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=4e3f72d3-6f87-42d2-9ae6-10b5ca85a197>. Дата обращения: 01.08.2013.

вспомнить хотя бы «лифт Эйнштейна» — мыслительный эксперимент, положенный в основу общей теории относительности.

В этой связи остановимся на следующих размышлениях.

Начнем с одного, довольно жесткого утверждения: образование — это такое «инобытие», без которого невозможно и «собственно бытие». Это, как в социуме, «реальное» невозможно без «идеального». Известная мысль о том, что приостановка промышленной деятельности даже на короткий срок ведет к катастрофе общества, может с полным основанием сегодня быть дополнена такой же «аксиомой»: приостановка образования в социуме на тот же короткий срок ведет к аналогичным последствиям. Другими словами, качество и адекватность образования/образованности — онтологическое условие подлинности и непрерывности текущей социальной реальности. И теперь, если представить социум не столько как совокупность институтов, сколько как ежесекундно самовоспроизводящуюся систему, то образование будет выглядеть как некий ментальный фактор, вписанный в «контур обмена» «идеального» (*ideele*) на «материальное» *et vice versa*, что и составляет динамический образ жизни всякого социума.

Сердцевину образования, с точки зрения внутренней метаморфозы жизни общества, составляет, прежде всего, система не столько естественных и технических представлений и категорий, наличествующая в этом обществе, сколько система обыденных или, напротив, строгих представлений о своем социальном жизнеустройстве. Очевидно, что в предельном случае речь идет о самом *социологическом знании* как оно представлено либо в самой социологии как науке, либо в социологии как образовательной дисциплине.

Всякая страна слишком дорого платит за деградацию образования, в какой бы форме и когда бы это не происходило. В эпоху франко-прусской войны 1870–71 гг. Франция была оснащена лучшей винтовкой того времени. Но это ей не помогло. «Войну выиграл немецкий учитель» — скажет свою знаменитую фразу канцлер О. Бисмарк. Вступающая в реалии XXI столетия РФ в своей борьбе за модернизацию сталкивается со своим внутренним и неожиданным противником — откровенным снижением общей и гуманитарной культуры населения, что получило у социологов и философов устойчивое название «варварства в условиях цивилизации»¹⁵.

¹⁵ *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН, 2007.

Конечно, возлагать всю ответственность за зримые симптомы отечественной «децивилизации» на «качество» образовательного процесса было бы наивно и методологически неграмотно. Не случайно в этой связи в общественных науках вновь заговорили о «социализирующем» и «цивилизующем» воздействии не только рационального фактора, как он присутствует в самом образовательном процессе, но и того «естественного фактора», как он присутствует непосредственно и неформально в самой «естественно-неестественной», массовой среде социального обитания. «Социологические исследования указывают на рост агрессии в российском обществе. Ежегодно от жестокости родителей страдают 2 млн детей, более 50 тыс. убегают из дома»¹⁶. Именно в связи с «цивилизационным» неблагополучием этой «внешней» для индивида «среды обитания» приходится ставить «сверхзадачу» не только «технизации» образования, но и осуществления цивилизационной миссии.

В системе категорий социально-гуманитарных наук «феномен цивилизации» по самым объективным причинам начинает выдвигаться на первое место. «Цивилизация как цивилизованность» — это такая социологическая категория, которая ориентационно и контентно оказалась богаче, чем словарь традиционных и постмодернистских социальных теорий. Достаточно вспомнить почти бессознательный всплеск активности в издании учебников и учебных пособий по обществоведению после 1991 года, где слово «цивилизация» фигурировало в титулах как заглавное. (См., напр.: Человек и общество. Основы современной цивилизации. М.: Геликон, 1992; и др.) Дальше — больше. В общественной науке начался самый настоящий ренессанс категории «цивилизация», прежде всего, в ее качественной отличительности от состояния «варварства» — не только исторического, но и современного. В этом смысле характерна смена парадигмы с постмодернистской модели «множественности цивилизаций», где собственно к социуму не предъявляется критерий «цивизованности» («Все есть цивилизация!»), на парадигму цивилизации «в единственном числе», где качество цивилизованного устройства социума не утрачивается, а, напротив, четко артикулируется в нормативно-сущностных терминах.

Образовательно-воспитательный эффект категории «цивилизация» очевиден, а на фоне опасности «технократизации» массового сознания (да и научного мышления) необходимость в этом эффекте становится более чем актуальной. Гуманитарный потенциал этой категории огро-

¹⁶ Антиньев А.Г. Гуманитаризация российского образования: состояние и проблемы.

мен, поскольку в ней схватывается не «оппортунистический», а сопротивляющийся «отклонениям» вектор того человеческого бытия, которое не потакает «хищным вещам века» — абсолютному «программированию поведения», «технократизму», «консюмеризму», «коммодизации» и пр., иначе говоря, тот вектор, который ориентирован именно в цивилизованном, гуманистическом, общечеловеческом направлении.

На фоне подобного императива современности присутствие в гуманитарном образовании «цивилизационного концепта» выглядит более чем закономерно и своевременно. Сошлюсь на одну из идей профессора Санкт-Петербургского университета К. Пигрова, которая вполне уместна в контексте данной статьи. К. Пигров пишет: «Цивилизация — это, прежде всего, социальный институт образования. В стране тысячи и тысячи учителей, преподавателей, профессоров входят в классы и аудитории и проговаривают наличную цивилизацию»¹⁷. Более того автор подчеркивает ту очень важную мысль, что облик цивилизации записан на языке «идеальных» (*ideele*) категорий, составляющих словарь науки об обществе, проще говоря, социологии: «Методологическое ядро всех цивилизационных языков представляет социальная теория. Она образует рациональный категориальный каркас цивилизационных дискурсов»¹⁸. Если подобный подход имеет основание, то спрашивается: какой прогресс мы имеем в преподавании гуманитарных наук в свете образовательных стандартов среднего и высшего образования, как это было сформулировано на все том же круглом столе в Госдуме РФ?

Посмотрим в документ-список, именуемый «Обязательный минимум содержания основных образовательных программ» по обществоведению. Несколько страниц убористого текста. «Тут все есть, коли нет обмана: и черти, и любовь, и страхи, и цветы». Нет только «цивилизации».

«У нас похитили цивилизацию», — говорил в 1920–30-е гг. Ортега-и-Гассет, имея в виду нарождающиеся тенденции «массового общества». Сегодня у нас не меньше, если не больше оснований сказать, что в категории «цивилизация» сконцентрировано что-то свяшенно важное в наш век «нового варварства», самопопустительства и всякого «постмодернизма». Признак цивилизации — не только самодисциплина,

¹⁷ Пигров К.С. Созидающее слово, или цивилизация как констелляция смыслов // Цивилизация: вызовы современности. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2009. С. 253.

¹⁸ Там же. С. 253–254.

но и достойные человека цели и смыслы в разумно, справедливо и благородно устроенном социуме, в котором, пользуясь классической лексикой Гегеля, мы чувствуем себя, «сразу, как у себя дома».

И последний аргумент в пользу «цивилизации» — аргумент педагогический, а если не размениваться, то, скорее, даже онтологический. Категория «цивилизации», пожалуй, единственная вещь, которая в словаре социологии находит по-настоящему заинтересованный, «личный» и «человеческий» прием у молодежного сознания. Здесь как бы совпадают субъектные ожидания от жизни у юношества и высокий строй содержания «цивилизации» именно как цивилизации. И подобно тому, как социум на высоте цивилизации всегда испытывает искушения и риски «нового варварства», так и человек в своей взрослой жизни имеет часто основание воспринимать свое детство как лучшее из того, что у него было или получилось. По существу, «избирательное сходство» романтического ожидания от мира в юношеском возрасте, «свойственного молодости свежей идеи целого»¹⁹, с одной стороны, и того, что можно было бы назвать самым лучшим человеческим изобретением — Цивилизацией. С другой, это «избирательное сходство» есть прозрачный намек все на тот же фундаментальный факт: встреча человека и «цивилизации» как категории — это апогей гуманитарно-социального образования. Это прекрасно чувствуют поэты и художники слова. И, возможно, лучше всего это удалось выразить Н. Гоголю: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!»²⁰

Обобщая этот ювенально-педагогический «драйв», который несет в себе и пробуждает в юношеском сознании *humanitas*, уместно было бы закончить словами человека опытного не только в своей профессии, но и в наблюдениях жизни: «С самого раннего возраста формирование личности, привитие ценностей морали и нравственности, терпимости к иным взглядам... происходит, прежде всего, на базе гуманитарных дисциплин»²¹. *Quod erat demonstrandum...*

¹⁹ Лифшиц Мих. Вместо предисловия // Лифшиц Мих. Собр. соч. Т. 1. С. 3.

²⁰ Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Русская книга. Т. 5. С. 147.

²¹ Чубарьян А.О. Технократизация как опасность.